

on Federation
museum
Arts Museum
ences
erial Culture

LLITE
RE

Round Table
016

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный Эрмитаж
Научно-исследовательский Музей при Российской Академии художеств
Российская Академия наук
Институт истории материальной культуры

ЭЛИТА БОСПОРА И БОСПОРСКАЯ ЭЛИТАРНАЯ КУЛЬТУРА

Материалы международного Круглого стола
22–25 ноября 2016 года

Всероссийский научно-исследовательский институт истории и археологии Древнего мира и античности им. А.Д. Струве (г. Санкт-Петербург) организует международный Круглый стол «Элита Боспора и Боспорская элитарная культура» в рамках научной конференции «Материалы международного Круглого стола «Элита Боспора и Боспорская элитарная культура»». Целью конференции является обмен научными данными по проблемам изучения элитарной культуры и общества в античном мире, включая изучение политической, военной, религиозной, социальной, экономической, культурной и бытовой жизни элиты Боспора. Особое внимание уделяется изучению политической элиты Боспорского царства и ее культуры. Особыми темами конференции являются изучение политической элиты Боспора и ее деятельности от начала до конца существования государства, изучение политической элиты Боспора в контексте политики других государств античности, а также традиций и практик политической элиты Боспора.

Санкт-Петербург
2016

- А. С. Скрипкин. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990.

А. М. Хазанов. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4.

Н. Ф. Шевченко. «Сарматские жрицы», или ещё раз к вопросу о материнском роде у сармата // ВДИ. 2006. № 1.

Л. Т. Яблонский. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. М., 2013. Книга 1.

Ю. П. Зайцев

Элита Крымской Скифии и Боспора в эпоху эллинизма: контакты и конфликты

Несмотря на богатую и разнообразную историографию, взаимоотношения Боспора и крымских варваров (скифов) в эллинистический период продолжают оставаться противоречивой и малоизвестной темой (Масленников. 2013. С. 5–6). Особенность данной проблематики — параллельное существование разнопланового анализа письменной традиции (Диодор Сицилийский, Страбон, лапидарные памятники) и весьма скучных археологических источников, в большинстве своем не поддающихся однозначной интерпретации. Между тем определенный прогресс в этом направлении всё же очевиден, во многом благодаря новым раскопкам и повторному анализу уже известных материалов.

При этом в силу своей специфики, основными источниками информации оказываются комплексы (архитектурные объекты, погребения), так или иначе связанные с военной и политической элитой Крымской Скифии.

Крымской Скифии. Для периода правления Перисада I и его сыновей (около 349–304 гг. до н. э.) практически вся информация по обозначенной теме формируется вокруг пересказа и интерпретации соответствующих отрывков из сочинения Диодора Сицилийского о междуусобной войне за престол (*Diod. XX*, 22–23).

Хронологически этому событию соответствует пока только один археологический пункт в Крымской Скифии — крепость Ак-Кая к северу от современного города Белогорска. Прямых данных об аристократической верхушке крепости Ак-Кая пока нет, однако исследования этого памятника со всей определенностью позволили заключить, что это был неор-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 15-31-10125 «Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований».

динарный населённый пункт, венецианский. Более того, эта крепость, построена и по эллинским стандартам (фрагменты С. 171–172), является единственным варварской территории Крыма, где в этом жилые комплексы крепости были инородны для крымской строительной традиции. «Некоторых колебаний, позволяющих вернуться к теме форпоста Боспора у западных европейцев, можно избежать, если сосредоточиться на направленной акцией боспорской

В числе других версий — границ Боспора («второй сце поддерживал Херсонес (Зайц Агара, упоминание которого о наличии власти у скифов (М

Несмотря на четыре п и успешно существовала весь вторым и третьим пожарами ронительных стен и строите ходится активное функцион крепости, наличие которого тверждено магнитометричес

Парадоксально, но факт: пока известно только одно эльское погребение в Крыму. Это всаднический комплекс из погребальной ямы в селе Симферополь. Оно было обнаружено в 1980-х гг. во время строительства гидроэнергетической станции на реке Калитине. В погребении были обнаружены останки всадника и коня, сабли, кинжалы, кинжалы-лобник, удила со строгими заостренными концами, а также кинжалы-ножи, называемые «нашёчники с чеканными изображениями». Наряду с захоронениями курганного типа в Приднестровье, этот комплекс является ярким примером сензацией горизонта ритуальных практик. Работы показательны для связей полуострова с Европой (Зайцев, 2012).

Проблемы хронологии и её исторический
онзовых зеркал // СА. 1963. № 4.
, или ещё раз к вопросу о материнском
1.
кдай. Элитный некрополь Филипповка 1
2009 гг.). Каталог коллекции. М., 2013.

Ю. П. Зайцев

Боспор в эпоху эллинизма: конфликты

образную историографию, взаимо-
варов (скифов) в эллинистический
творческой и малоизвестной темой
ность данной проблематики — па-
нового анализа письменной тра-
н, лапидарные памятники) и весь-
ников, в большинстве своем не
тации. Между тем определенный
очевиден, во многом благодаря
изу уже известных материалов.
ки, основными источниками ин-
рхитектурные объекты, погребе-
енной и политической элитой

И его сыновей (около 349–304 гг.
по обозначенной теме формиру-
и соответствующих отрывков из
междоусобной войне за престол

соответствует пока только один
фи — крепость Ак-Кая к северу
ых данных об аристократической
нако исследования этого памят-
ли заключить, что это был неор-

ГНФ, грант № 15-31-10125 «Крым
ы по данным новейших археологи-

динарный населённый пункт, вероятно обладавший столичным статусом. Более того, эта крепость, построенная по хорошо продуманному плану и по эллинским стандартам фортификации (Зайцев. 2013. С. 501; 2015. С. 171–172), является единственной поселенческой структурой на обширной варварской территории Крыма на протяжении всего III в. до н. э. При этом жилые комплексы крепости — глиняно-камышевые постройки — инородны для крымской строительной традиции. Все эти данные, после некоторых колебаний, позволяют отдать предпочтение «первому сценарию» А. А. Масленникова, согласно которому это был «варварский» форпост Боспора у западных его границ, а его строительство стало целенаправленной акцией боспорской политики (Масленников. 2013. С. 8–9).

В числе других версий — центр «варварской силы» у западных границ Боспора («второй сценарий» А. А. Масленникова), который поддерживал Херсонес (Зайцев. 2013. С. 502), вероятная ставка царя Агара, упоминание которого в известном контексте свидетельствует о наличии власти у скифов (Молев. 1994. С. 30).

Несмотря на четыре пожара-катастрофы, крепость активно и успешно существовала весь III и первую половину II вв. до н. э. Между вторым и третьим пожарами произошло масштабное укрепление оборонительных стен и строительство башен. Также на этот период приходится активное функционирование элитного комплекса в центре крепости, наличие которого установлено раскопками 2009 г. и подтверждено магнитометрической разведкой в 2015 г.

Парадоксально, но факт, — для обозначенного отрезка времени пока известно только одно элитное воинское погребение в варварском Крыму. Это всаднический комплекс из кургана у с. Чистенько, к западу от Симферополя. Оно включает в себя представительный набор вооружения и своеобразное конское снаряжение: пластинчатый налобник, удила со строгими крестовидными насадками и бронзовые нащёчки с чеканными изображениями (Зайцев, Колтухов. 2004). Наряду с захоронениями курганных некрополей «Тираспольской группы» в Приднестровье, этот комплекс является своеобразной квинтэссенцией горизонта ритуальных (вотивных) кладов, а в контексте данной работы показательна его связь с территориями к востоку от Керченского полуострова (Зайцев. 2012. С. 69–70). Схожие по составу комплексы Ак-Буруна, Буеровой могилы, Зеленского кургана, Васюриной Горы и некоторые другие позиционируют Боспор в качестве «проходной» или «сквозной» территории для элитной варварской всаднической культуры по обе стороны Керченского пролива. Вне зависимости от этнических интерпретаций конкретных комплексов (скифы, меоты, сарматы), такая картина может свидетельствовать скорее о союзнических контактах, чем о конфликтах между крымскими и боспорскими элитами в отмеченный период.

В период, синхронный концу правления Спартока V — началу правления Перисада III (ок. 185 г. до н. э.), возникает Неаполь Скифский, однако полноценной «царской» крепостью он становится четверть века спустя, когда царем Боспора был Перисад IV Филометор.

В это время практически «слепая» картинка боспоро-скифских отношений внезапно проясняется благодаря появлению на исторической арене Северного Причерноморья такого персонажа, как Аргот. Впервые он стал известен в качестве мужа царицы Камасарии, вдовы Перисада III и матери Перисада IV, с привязкой к Пантикею (IOSPE, II, 19 = КБН 75), а много позже — как повелитель Скифии, с почестями погребённый на крепостной территории Неаполя Скифского (Виноградов, Зайцев. 2003. С. 51). На сегодняшний день имеются два варианта восстановления и перевода неапольской надгробной эпитафии Аргота, каждый из них вызывает вопросы и наталкивает на определённые сомнения. Наиболее слабое место варианта, предложенного Ю. Г. Виноградовым (Виноградов, Зайцев. 2003. С. 47): текст восстановлен таким образом, что перечисленные в нем деяния и заслуги отнесены не к покойному Арготу, а к анонимному посвятителю — «повелителю Скифии», в котором видится царь Скиур. Необычность и высокая степень спорности такой конструкции очевидны.

Вторая версия перевода и восстановления текста предложена В. А. Сидоренко (Сидоренко. 2005. С. 62–66). Для первой части надписи (стк. 1–3) его интерпретация выглядит вполне правдоподобной и логичной. Однако, произвольное и ничем не обоснованное восстановление в стк. 4 слова «воинственность» вместо первоначально предложенного «дружелюбие» (Сидоренко. 2005. С. 66) оказывается определяющим и в корне меняет смысл текста. Для строк 5–7 автор статьи вообще допускает прямую дезинформацию читателя: «В лакуне издатели передают как читаемый текст, восстанавливаемый ими по остаткам верхних частей букв, что не находит подтверждения в камне». И далее, «...отмеченная читаемой на камне *καππα* в действительности отсутствует, вместо неё по краю скола видна вертикальная гаста без аппексов...» (Сидоренко. 2005. С. 67). Со всей ответственностью могу заверить читателя, что В. А. Сидоренко вплоть до момента написания этих строк с камнем *de visu* не знакомился, а приведённые выше наблюдения являются плодом его воображения.

Учитывая все данные, считаю возможным предложить «гибридный», пока наиболее адекватный вариант восстановления и перевода надгробной эпитафии Аргота:

1. Каменную эту гробницу могущественного ты видишь
2. Аргота: Скифии властитель, богатой конскими пастищами,
3. Здравствующим оставил здесь томление по отсутствующему,
4. В отношении эллинов предпочитал дружелюбие.
5. Многими силами выступая на защиту Отчизны,

6. Фракийцев и меотов
 7. Сыновей шестьдесят
 8. В скормлив их подоб
- Таким образом, оба (КБН. 75 и неапольская эпи и дружественные отноше в середине — третьей четв 84–85; Виноградов, Зайцев.

Согласно археологии Неаполе Скифском был ронительных сооружений начальном этапе этот арх ветствии с греческими вк фресковая роспись, террак менты интерьера, использ суды и т. п.).

Смерть Аргота (ис мавзолея-героона) совпада 128 гг. до н. э.) на Неаполе С очевидно, начинается пер продолжавшийся до начало до н. э.), и, в целом, совпа (125 г. до н. э.—109 г. до н.

Нельзя обойти внимание упомянутых событий (прав мавзолея-героона Аргота описанными Полиеном в сарматской коннице — и и передача власти его сыну) (Ростовцев. 1915) это со временем (Карышковский даже предложил датирова н. э. (Пуздовский. 2001. С противоречит хронологич сопоставление легендарной ситуацией вполне логич омологен до конца третьего становится Аргот, а его сы

Здесь нет необходимости вестного исторического л древним источникам и раб вателей. В контексте данного новленного после пожара Н

6. Фракийцев и меотов с благоволения [богов] покорил.
 7. Сыновей шестьдесят и дочерей равное количество усыновил,

8. Всокрмив их подобно собственному ребенку.

Таким образом, оба упомянутых эпиграфических источника (КБН. 75 и неапольская эпитафия) позволили реконструировать тесные и дружественные отношения царских домов Скифии и Боспора в середине — третьей четверти II в. до н. э. (Виноградов. 1987. С. 60–61, 84–85; Виноградов, Зайцев. 2003. С. 51–52).

Согласно археологическим данным, деятельность Аргота на Неаполе Скифском была направлена на создание полноценных оборонительных сооружений и строительство Южного дворца. Уже на начальном этапе этот архитектурный комплекс был оформлен в соответствии с греческими вкусами и технологиями (черепичная кровля, фресковая роспись, терракотовые алтари и статуэтки, мраморные элементы интерьера, использование греческой кухонной и столовой посуды и т. п.).

Смерть Аргота (исходя из стратиграфических позиций его мавзолея-героона) совпадает с первой пожарной катастрофой (ок. 130–128 гг. до н. э.) на Неаполе Скифском (Зайцев. 2003. С. 17), после которой, очевидно, начинается период правления знаменитого царя Скилура, продолжавшийся до начала первой кампании Диофанта (ок. 114/113 гг. до н. э.), и, в целом, совпадающий с годами царствования Перисада V (125 г. до н. э.–109 г. до н. э.).

Нельзя обойти вниманием и очевидное сходство последовательности упомянутых событий (правление Аргота — пожар во дворце — возведение мавзолея-героона Аргота — правление Скилура) с обстоятельствами, описанными Полиеном в легенде о сарматской царице Амаге (набег сарматской конницы — внезапный захват дворца — убийство царя и передача власти его сыну) (*Polyaen. VIII*, 56). Вслед за М. И. Ростовцевым (Ростовцев. 1915) это событие принято датировать более ранним временем (Карышковский. 1971), на основании чего А. Е. Пуздовский даже предложил датировать неапольский дворцовый пожар 180 г. до н. э. (Пуздовский. 2001. С. 90–91). Очевидно, что такой комбинации противоречит хронологическая колонка Неаполя Скифского, хотя само сопоставление легендарного сведения с конкретной археологической ситуацией вполне логично. В таком случае набег Амаги может быть омологен до конца третьей четверти II в. до н. э., убитым царём тогда становится Аргот, а его сыном — Скилур.

Здесь нет необходимости перечислять деяния и заслуги этого известного исторического лица — все они хорошо известны благодаря древним источникам и работам отечественных и зарубежных исследователей. В контексте данной работы показателен весь антураж восстановленного после пожара Южного дворца — ещё более эллинофильский,

чем прежде. Помимо традиционных уже черепичных крыш, фресковой росписи, терракотовых алтарей и статуэток, соответствующей посуды теперь здесь появились ещё и сооружения из хорошо обработанного камня, в том числе ордерные, мраморные и известняковые статуи с посвящениями греческим богам, предметы мебели и интерьера.

Особое место в этом списке занимает сам георон-мавзолей Аргота, которому новый правитель и новый устроитель дворца отвёл самое почётное место в крепости — сразу за парадными центральными воротами. Дальнейшие исследования и поиск возможных аналогий позволяют несколько скорректировать первоначальный вариант его реконструкции (Зайцев. 2003. Рис. 48, 2). Двухъярусная антавая постройка дорического ордера представляется теперь увенчанной не двускатной черепичной крышей, а ступенчатой каменной пирамидой, на вершине которой была закреплена бронзовая статуя всадника или колесницы.

Иными словами эллинская составляющая «дворцового» варианта позднескифской культуры Крыма в последней четверти II в. до н. э. достигает своего апогея и фактически становится определяющей.

В свою очередь, всё это полностью согласуется с посвятительной надписью на мраморной трапедзе из пантикопейского святилища, установленной от имени Сенамотис (независимо от правильности восстановления её имени), дочери царя Скилура и жены Гераклида, и адресованной некоей негреческой богине Дитагойе (имя которой сохранилось полностью). Всесторонний анализ этой надписи и других источников позволил сформулировать вывод о теснейшем союзе Пантикопейского и Неапольского царствующих домов, скреплённым династическими браками и практикой вскормленничества (Виноградов. 1987; Молев. 1994. С. 43).

В этой связи нельзя обойти вниманием находку в мегароне Южного дворца фрагментов женской известняковой задрапированной гермы — гипотетической Дитагойи (Зайцев. 1996. С. 21–22; 2002. С. 71). Новый штрих к интерпретации этой находки — недавно выявленная во время расчистки поверхности крупная «дельта», нарисованная красной краской у основания фигуры.

Вместе с тем, предложенная картина не согласуется с известным свидетельством Страбона об уплате Боспором дани варварам и возрастании её размера накануне событий Диофантовых войн (*Strabo*. VII, 4, 4, 6). Объяснений может быть предложено два: либо варваров-данников следует искать за пределами Крыма (Виноградов. 1987. С. 68–69), либо филэллинство Аргота и Скилура вкупе с династическими скифо-боспорскими браками вполне уживаются с институтом данничества (Молев. 1994. С. 36–37, 117–118), хотя представить такое довольно сложно.

Второй элитный погребальный комплекс Неаполя — «мавзолей Скилура» — заслуживает отдельного упоминания. Несмотря на более

чем полувековую известность И. Погребова. 1961; Зайцев. 2003, оставаться в фокусе научных предполагаемый царь Скилур — греческих, варварских (скифских) помимо прочего имеющих Боспора, на территории Приазовья яркий пример — близкое сходство аппликаций из каменной гробницы 1 могильника Карстовый (Карпенко. 1996. Рис. 73, 12). Лены в качестве декора колчана в погребении не исключает иной версии (исходя из неаполитанского штандарт, инсигнии власти, же технике, что и экземпляр).

Как и в конце III — первом период элитные варварские также оказываются весьма с наборов (фибулы, портупей) (Зайцев. 2011). При этом они оказываются нехарактерен; здесь либо отсутствуют, либо «нестабильности» территории Боспора середины II в. до н. э.

Тесные и разноплановые Крымской Скифии и Боспора II в. до н. э. Поражение скифийскими войсками, посланными Диофанта на Боспор, воссоздание захвата власти — кратко проанализированы пока добавить нечего и можно надежности Савмака к склонению споро-скифских отношений (Виноградов. 1987. С. 85–86; С. 147; Молев. 2013. С. 11).

В контексте новых и хорошо известное сообщение Евпатором своих дочерей скифских царей в 65 г. до н. э. политического союза приводит к беспрецедентному по

х уже черепичных крыш, фресковой татуэток, соответствующей посуды ружения из хорошо обработанного порные и известняковые статуи с предметы мебели и интерьера.

нимает сам герон-мавзолей Аргота, ий устроитель дворца отвёл самое разу за парадными центральныминия и поиск возможных аналогийовать первоначальный вариант его (3, 2). Двухъярусная антова постройка яется теперь увенчанной не двускатной каменной пирамидой, на вершине якая статуя всадника или колесницы.ставляющая «дворцового» варианта в последней четверти II в. до н. э.

ски становится определяющей. остью соглашается с посвятительной из пантикопейского святилища, уста-езависимо от правильности восста-Скилура и жены Гераклида, и адресо-Дитагойе (имя которой сохранилось в этой надписи и других источников о теснейшем союзе Пантикопейского мов, скреплённым династическими чества (Виноградов. 1987; Молев.

иманием находку в мегароне Южного тняковой задрапированной гермы — з. 1996. С. 21–22; 2002. С. 71). Новый дки — недавно выявленная во время ельта», нарисованная красной краской

картина не согласуется с известным Боспором дани варварам и возрас-ий Диофантовых войн (*Strabo*. VII, 4, дложено два: либо варваров-данников ма (Виноградов. 1987. С. 68–69), либо купе с династическими скифо-боспор-ь с институтом данничества (Молев. дставить такое довольно сложно. ный комплекс Неаполя — «мавзолей него упоминания. Несмотря на более

чем полувековую известность и солидную историографию (Шульц. 1953; Погребова. 1961; Зайцев. 2001), этот уникальный объект продолжает оставаться в фокусе научных интересов. Главное его захоронение — предполагаемый царь Скилур — демонстрирует своеобразное сочетание греческих, варварских (скифских) и европейских (латенских) элементов, помимо прочего имеющих выразительные аналогии к востоку от Боспора, на территории Прикубанья и Северного Кавказа. Наиболее яркий пример — близкое сходство (если не идентичность) золотых аппликаций из каменной гробницы мавзолея и погребения 2 в кургане 1 могильника Карстовый (Калининский р-н, Краснодарский край) (Марченко. 1996. Рис. 73, 12). Во втором случае эти украшения определены в качестве декора колчана или горита, однако их расположение в погребении не исключает и другие варианты. В развитие альтернативной версии (исходя из неапольской находки) можно предложить некий штандарт, инсигнию власти, украшенную теми же элементами и в такой же технике, что и экземпляр из мавзолея.

Как и в конце III — первой половине II вв. до н. э., в последующий период элитные варварские комплексы Крыма и Северного Кавказа также оказываются весьма схожи по элементному составу костюмных наборов (фибулы, портупейные крюки, пряжки, наконечники ножен) (Зайцев. 2011). При этом для эллинской знати Боспора такой костюм оказывается нехарактерен; во всяком случае, упомянутые предметы здесь либо отсутствуют, либо крайне редки. Всё это говорит о «прозрачности» территории Боспора для восточных и западных соседей и после середины II в. до н. э.

Тесные и разноплановые контакты аристократической верхушки Крымской Скифии и Боспора не пережили Диофантовых войн в конце II в. до н. э. Поражение сына Скилура Палака в столкновениях с понтийскими войсками, последовавшая затем дипломатическая миссия Диофанта на Боспоре, восстание Савмака и убийство им Перисада V с целью захвата власти — все эти события хорошо известны и много-кратно проанализированы специалистами. С позиций археологии здесь пока добавить нечего и можно только присоединиться к версии о принадлежности Савмака к скифской аристократии и о смене вектора бо-споро-скифских отношений в период правления Митридата VI Евпатора (Виноградов. 1987. С. 85–86; Молев. 1994. С. 126–128; Сапрыкин. 1996. С. 147; Молев. 2013. С. 11).

В контексте новых исторических реалий необходимо упомянуть хорошо известное сообщение Аппиана о выдаче Митридатом VI Евпатором своих дочерей замуж за «наиболее могущественных» скифских царей в 65 г. до н. э. (*App. Mithr.*, 102), для закрепления военно-политического союза против Рима. Одной из этих дочерей — судя по беспрецедентному по изысканности и богатству набору личных

украшений — могла быть погребённая в Ногайчинском кургане (Зайцев, Мордвинцева. 2004). Радиоуглеродное датирование образцов из этого захоронения подтвердило ранее предложенные хронологические позиции этого комплекса (в рамках I в. до н. э., вероятно около середины столетия) (Зайцев, Мордвинцева, Хелльштрем. 2013. С. 51, 56) и позволило окончательно исключить более поздние даты.

Таким образом, завершая данный обзор можно сформулировать вывод о том, что новые и старые археологические источники красноречиво подтверждают союзнические, дружественные отношения Скифии и Боспора в середине — второй половине II в. до н. э., вплоть до войн Диофанта. Более ранний период — конец IV — первая половина II вв. до н. э. — представлен гораздо меньшим количеством достоверных археологических данных. Однако, то немногое, что нам уже известно, также позволяет склониться в сторону «мирного» сценария развития скифо-боспорских отношений в это время.

Литература

- Ю. Г. Виноградов. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикопея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // ВДИ. 1987. № 1.
- Ю. Г. Виноградов, Ю. П. Зайцев. Новый эпиграфический памятник из Неаполя скифского // Археология. 2003. № 1.
- Ю. П. Зайцев. Памятники скульптуры из мегарона Южного дворца Неаполя скифского // Крымский музей. 1996. № 2.
- Ю. П. Зайцев. Мавзолей царя Скилура: факты и комментарии // Поздние скифы в Крыму. Труды ГИМ. Вып. 118. М., 2001.
- Ю. П. Зайцев. Неаполь Скифский. Симферополь, 2003.
- Ю. П. Зайцев. Скульптура и рельефы Южного дворца Неаполя Скифского // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции. СПб., 2002.
- Ю. П. Зайцев. «Позднескифский» костюм как этноиндикатор (на примере элементов поясной гарнитуры 3–1 вв. до н. э.) // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. СПб., 2011.
- Ю. П. Зайцев. Северное Причерноморье в III–II вв. до н. э. ритуальные клады и археологические культуры (постановка проблемы) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. Тирасполь, 2012.
- Ю. П. Зайцев. Неаполь Скифский — Ак-Кая — Пантикопей: варвары Крыма и Боспор в III–I вв. до н. э. // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции. СПб., 2013.
- Ю. П. Зайцев. Оборонительные сооружения крепости Ак-Кая в центральном Крыму (эпоха эллинизма и римский период) // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова. М., 2015.
- Ю. П. Зайцев, С. Г. Колтухов. Погребение воина эллинистического времени у с. Чистенькое в предгорном Крыму // БИ. 2004. Вып. VII.
- Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева. «Царица» из Ногайчинского кургана: возможности исторических реконструкций // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004. Ч. II.

Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева, К. Женского элитного погребения в историческом контексте // Крым. н. э.). Симферополь — Бахчисарай. № 2.

П. О. Карышковский. Истрия и её союзники // Крым. н. э.). Симферополь. № 2.

Е. А. Молев. Боспор в период эллинизации // Крым. н. э. — IV в. н. э.). Симферополь. № 2.

А. А. Масленников. Тёмные века боспорской истории // Греки и варвары на евразийской научной конференции. СПб., 2002.

Н. Н. Погребова. Погребения в мавзолеях // Крым. н. э.). Симферополь. № 3.

А. Е. Пуздовский. Политическая и военная политика // Крым. н. э.). Симферополь. № 3.

М. И. Ростовцев. Амага и Тиргатас // Крым. н. э.). Симферополь. № 3.

С. Ю. Сапрыкин. Понтийское царство // Крым. н. э.). Симферополь. № 3.

В. А. Сидоренко. Эпитафия скифского царя // Крым. н. э.). Симферополь. № 3.

П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского // Крым. н. э.). Симферополь. № 3.

К вопросу о связях боспорской элиты с восточными цивилизациями (по материалам раскопок в Крыму)

Известно, что в последней четверти III в. до н. э. (227/228–228/229 гг.), боспорская элита, со своим сыном Котисом III и женой Феодорой, покинувшей в результате ославившими царскую власть врагами Крым, перебралась на престол и необходимостью покинувший Крым Котиса III (Зубарь. 1998. С. 133–134).

Отчётилий кризисные явления в конце правления Котиса III в III в. до н. э. (229/230–231/232 гг.) (КБН. 1230). Однако этому предшествовало

¹ Работа выполнена в рамках проекта № 1799.

² Иногда чекан золотых монет, относят к специальному выпуску (Зограф. 1951. С. 226; Фролова. 1956. С. 126). Важно отметить, что в золотые годы (КБН. 56), всё же в Крым (Яленко. 2010. С. 509).

Ногайчинском кургане (Зайцев, датирование образцов из этого иложенные хронологические о н. э., вероятно около середины елльштрем. 2013. С. 51, 56) более поздние даты.

обзор можно сформулировать огические источники красноречественные отношения Скифии не II в. до н. э., вплоть до войн ец IV — первая половина II вв. им количеством достоверных многое, что нам уже известно, «мирного» сценария развития емия.

ра

дара Скилура из Пантикопея и про-
II в. до н. э. // ВДИ. 1987. № 1.

рафический памятник из Неаполя

егарона Южного дворца Неаполя
2.

и комментарии // Поздние скифы

01.

оль, 2003.

ого дворца Неаполя Скифского //

памятники и святилища. Материалы

1. СПб., 2002.

к этноиндикатор (на примере эле-

н. э.) // Боспорский феномен. На-

I-II вв. до н. э. ритуальные клады

ка проблемы) // Древности Север-

Тирасполь, 2012.

я — Пантикопей: варвары Крыма

ский феномен. Греки и варвары на

и международной научной конфе-

и крепости Ак-Кая в центральном

период) // С Митридата дует ветер.

м. К 70-летию В. П. Толстикова. М.,

на эллинистического времени у с.

1. 2004. Вып. VII.

ца» из Ногайчинского кургана:

рукций // Боспорский феномен:

матников. СПб., 2004. Ч. II.

- Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева, К. Хелльштрем. Радиоуглеродное датирование женского элитного погребения Ногайчинского кургана (Крым) в культурно-историческом контексте // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.). Симферополь — Бахчисарай, 2013.
- П. О. Карышковский. Истрия и её соседи на рубеже III—II вв. до н. э. // ВДИ. 1971. № 2.
- Е. А. Молев. Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород, 1994.
- Е. А. Молев. Савмак — кто же все таки он? // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.). Симферополь — Бахчисарай, 2013.
- А. А. Масленников. Тёмные века боспорской истории // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции. СПб., 2013.
- Н. Н. Погребова. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // МИА. 1961. № 96.
- А. Е. Пуздовский. Политическая история Крымской Скифии во II в. до н. э. — III в. н. э. // ВДИ. 2001. № 3.
- М. И. Ростовцев. Амага и Тиргатао // ЗООИД. 1915. Вып. XXXII.
- С. Ю. Сапрыкин. Понтийское царство. М., 1996.
- В. А. Сидоренко. Эпитафия скифского царя Аргота // МАИЭТ. 2005. Вып. IX.
- П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953.

В. Г. Зубарев, С. В. Яцев

К вопросу о связях боспорской элиты с сарматскими кланами (по материалам раскопок городища «Белинское» в Восточном Крыму)¹

Известно, что в последние два года своего пребывания у власти (227/228–228/229 гг.), боспорский царь Рескупорид II правил совместно со своим сыном Котисом III (Анохин. 1986. С. 120). По мнению В. М. Зубаря это было вызвано какими-то неизвестными причинами, ослабившими царскую власть, появлением нескольких претендентов на престол и необходимостью ещё более не дестабилизировать обстановку (Зубарь. 1998. С. 133–134)².

Отчётиней кризисные явления на Боспоре стали проявляться в конце правления Котиса III (227/228–233/234 гг.), когда на короткое время (229/230–231/232 гг.) его соправителем стал Савромат III (КБН. 1230). Однако этому претенденту на высшую власть так и не

¹ Работа выполнена в рамках задания Минобрнауки РФ № 2014/389 (НИР № 1799).

² Иногда чекан золотых монет Рескупорида II 228/229 г. года (211–226 гг.) относят к специальному выпуску с целью обожествления уже умершего царя (Зограф. 1951. С. 226; Фролова. 1997. С. 7–8, 20). Однако вероятнее, что в указанные годы (КБН. 56), всё же имело место соправительство отца и сына (Яленко. 2010. С. 509).